

Денис Анзигитов

ПЕРЕВАЛ

Денис Анзигитов
Перевал. Сборник стихов

«Издательские решения»

Анзигитов Д.

Перевал. Сборник стихов / Д. Анзигитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935908-7

Перевал — это не только точка на карте, это ещё и точка на жизненном пути, своеобразный водораздел, разделяющий жизнь на «до» и «после», подведение промежуточных итогов. Автор собрал лучшие на его взгляд стихотворения, написанные им за последнюю четверть века. В этом сборнике есть всё: и юмор, и ирония, и созерцание природы, и философские размышления о жизни и о религии.

ISBN 978-5-44-935908-7

© Анзигитов Д.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРЕВАЛ	6
НОЧЬ	8
ПЕРЕВЁРНУТАЯ СКАМЕЙКА...	9
НОВЫЙ МЕСЯЦ...	10
ВСТРЕЧА	11
НЕ СМОТРИ...	12
ПЕЧАЛЬ	13
ГДЕ ИСТИНА В СТИХАХ...	14
ИЗ СУЕТЫ ГОРОДСКОЙ...	15
Я ВЫШЕЛ В ПОЛЕ...	16
ВЕСЕННЕЙ КАПЕЛИ ПРИВЕТ...	17
СМУТЬЯН	18
ДРУГ МУДРОСТИ И ЛОПАТА	19
ОСЕННИЙ ПРЯНЫЙ ЗАПАХ УВЯДАНЬЯ...	20
ЛЕНЬ	21
В ДАЛЁКОМ ИНЕЕ ЛЕСОВ...	22
ОСЕНИ СЛОВА	23
САМШИТ И СТОГ	24
ОТКРЫТИЕ	25
ИНОК	26
НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ	27
ЛЮБЛЮ Я МУДРОЕ СПОКОЙСТВИЕ ПРИРОДЫ...	28
ВОПРОС	29
МОНОЛОГ УСТАВШЕГО МУЖА.	30
СКОМОРОХ И СТОЛПНИК	31
СИМЕОН	35
ЧЕХОВ. ТРИ СЕСТРЫ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Перевал Сборник стихов

Денис Анзигитов

Иллюстратор Анастасия Шилина

© Денис Анзигитов, 2018

© Анастасия Шилина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-5908-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРЕВАЛ

К упрёкам готов, господа альпинисты:
Чего рассуждать, коль в горах не бывал.
По сути мы все в этом мире туристы,
Но каждому дан лишь один перевал.

Дорога трудна, прозеваешь – сорвёшься,
А там впереди уж вершина видна,
Чуть-чуть потерпеть – до неё доберёшься,
Но годы идут, неприступна она.

Карабкаться вверх, это лучше, чем в пропасть...
Учись, не учись, сам пока не пройдёшь,
Тогда лишь узнаешь, что значит суровость,
По книжкам и фильмам пути не поймёшь.

Сорвавшийся камень, что сдвинут ногою,
Дай бог, чтоб внизу никого не задел.
Ты лезешь наверх, ты доволен собою
Предвидя мечты воплощённый предел.

Дорога тому, перевал кто осилил,
Не может сюрпризов уже принести,
Ещё будет много пейзажей красивых,
Но всё-таки вниз она будет вести...

Присесть отдохнуть – значит, время теряешь,
Вершина зовёт, хоть подъём на износ.
До бега почти ты шаги ускоряешь,
Ведь в жертву дороге полжизни принёс.

Назад посмотри! Ослепительно глазу
Стоят вертикали заснеженных скал!
И ты понимаешь, не вдруг и не сразу,
Что там, позади уже твой перевал.
И где-то за ним, на равнине осталось,
Всё то, что не понял, когда уходил,
Что так недвусмысленно взгляду являлось,
А ты не заметил, а ты пропустил.

Что с юности ранней свою для себя лишь
Излишне берёг ты частицу тепла,
И вот ты один, на ветру замерзаешь,
А юность давно уже вдаль уплыла.

Что в жизни для счастья нужна только малость,

Чего до подъёма не смог ты понять,
Любовь к постороннему, к нищему жалость,
Что взято на время, то должен отдать.

Тогда все слова перестанут быть звуком
И смысл обретут, и от этого вдруг
Душа изогнётся натянутым луком,
И вечность замкнётся в очерченный круг.

Тогда, не мигая, пронзительно тонко,
Как в сердце вонзая смертельный кинжал,
Вдруг совесть посмотрит глазами котёнка,
Которого с улицы ты не забрал.

И лишь от тебя будет это зависеть,
Какой по итогам оставишь ты след.
И хочется очень, чтоб горние выси
Зажгли в твоём сердце немеркнувший свет.

Ноябрь 2017

НОЧЬ

Ночь приподняла и расправила два своих крыла,
Серебристая вуаль всколыхнулась и застыла,
Сквозь неё я смотрел на дома-горы.
Миллиарды светлячков вспыхивали и мерцали в паутинной
тишине.
Твои глаза открылись мне бездонной глубиной,
В них я узнал Любовь – это была она.
И слёзы заблестели огнями фонарей,
И душа раскрылась, но...
Тебя нет со мной и только
Тихий стон, замирая в груди, отозвался в сердце
Ударом неземного колокола.

11.10.93

ПЕРЕВЁРНУТАЯ СКАМЕЙКА...

Разбитый фонарь, перевёрнутая скамейка,
Листья, как снег, летящий с неба...
Душа молчит, душа отдыхает,
Душа поглощена созерцанием Осени.
Уставший город меняет свой облик...
Стихла музыка – окончилась партитура.
Двухцветная церковь в облезлых стенах...
Шум жизни далёк – душа отдыхает.
Солнце-свеча в рваном хитоне
Уныло бредёт по дороге ко мне.
Пыль на ботинках, пыль на сердце;
Листья летят, душа молчит.

1996

Художник Анастасия Шилина

НОВЫЙ МЕСЯЦ...

Новый месяц светит половину неба,
Новая зима пришла среди весны,
Прежняя любовь, как саван выпавшего снега,
Прежняя тоска... обманчивые сны...

16.03.97

ВСТРЕЧА

Я встретил друга закадычного,
Он постарел: морщины на лице,
Седые волоса.
– Ну, как дела?
– Как будто всё в порядке. А у вас?
– А к нам зима недавно заглянула
Как будто в гости, да судя по всему,
Решила задержаться до весны.
Так что хлопот невпроворот. Как дом?
– Да дом пустой, один лишь воздух.
Ты заходи, поговорим о том, о сём.
Ушёл. И след позёмкой замечает.
Растаял силуэт, исчез.
Пройдёт быть может двадцать лет иль сорок,
А может даже сто, и не поверю я,
Что встретимся опять...
Да и была ли вовсе наша встреча правдой?

28.11.97

НЕ СМОТРИ...

Не смотри на мир глазами полными слёз,
Не жалей ни о чём: всё придет, всё уйдет.
Ты подумай о том, быстро время бежит,
И забудь про печаль: горе ветер унёс.

30.12.97

ПЕЧАЛЬ

Занавеска качается,
Печаль возвращается,
Голова бездонная,
Темень тёмная.

Я пришёл вечером,
Вновь тобой встреченный;
Фонари тусклые —
Улыбнись, грустная.

Позвони, милая,
И скажи: «Помню я», —
Мне желать нечего,
Новый год встречу я.

Друг мой, верный мой,
Назови имя той;
Где живёт вечная,
Что тогда встречу я?

И ответь, верит ли?
И ответь, знает ли?
Белый снег стелется,
Обнимай, метелица!

26.12.98

ГДЕ ИСТИНА В СТИХАХ...

Где истина в стихах?
Стремясь за рифмою капризной,
Её не надо нам, её мы не хотим.
И в самом деле: ах, какая красота! —
Мы говорим, читая.
Но под ризой рифм ненужных,
Далёкий смысл от нас скрывая,
Таится нечто непонятное для нас;
Не мешая уху, не мозоля глаз,
Оно, как мудрости неяркий свет,
Мерцает призрачно в ответ
На повседневные вопросы.
Но докопаться...

1998

ИЗ СУЕТЫ ГОРОДСКОЙ...

Из суеты городской
Прямо в лес густой
 Я уйду.
Не в лихой беде,
Я покой себе
 Там найду.
И земля берёз,
Словно детство грёз
 Наяву;
И бегут года,
Как шуршит листва
 На ветру.

1998

Я ВЫШЕЛ В ПОЛЕ...

Я вышел в поле —
Зари негаснувший, далёкий блик...
В установившемся покое,
Молчанием ночных коростелей
Поговорит со мной о доме
В туманной роще дальний соловей.
Души давно затихший крик...
Я принимаю думы о просторе,
Я созерцаю чувства материк.

1998—99

ВЕСЕННЕЙ КАПЕЛИ ПРИВЕТ...

Весенней капли привет!
Весёлые капли мне душу согрели,
Я трубку снимаю, звоню – там ответ:
– Увы, ты ошибся, поэт,
Ещё далеко до апреля.

18.12.98

СМУТЬЯН

Он встал перед толпою в полный рост,
Здравши кверху голову, и крикнул:
«Послушай, Бог!
Се грешный аз стою перед тобою,
Яви мне знак, иль в мысли образа движенье!»
Притихли все вокруг, молчало небо.
«Эй, Бог! Ну, докажи мне, что ты есть.
Ведь ты же Бог, ты можешь, знаю!»
И даже ветерок в ответ не пробежал.
И, сжавши кулаки, он крикнул, что есть мочи:
«Так знай же, Бог, не верю я в тебя!» —
И плюнул в небо. Ужаснулись люди
И ждали меч карающий
На голову смутьяна дерзкого.
Но, вместо этого,
Заплакало, смиренно, небо
Осенним богородичным дождем,
Хоть не было ни облачка.
Промокли люди и тихонько разошлись...
И лишь один остался – он,
И капли по лицу текли —
То дождь, а может, слёзы.

1998 – 2012

ДРУГ МУДРОСТИ И ЛОПАТА

Однажды, когда я был и зол, и хмур,
Друг мудрости во сне привиделся мне – Эпикур,
Такой шутник и балагур!
«Не вороши осенних песен падшую листву,
Когда застылая – звучит иная fuga;
На улице мороз и вьюга
Жить не могут друг без друга.
Скажи – хочу! – и сделай так же...»
«Чур! – ответил я, когда проснулся, – как же,»
И хмуро в руки взял лопату.
Всё это видел я во сне, когда-то...

11.11.99

ОСЕННИЙ ПРЯНЫЙ ЗАПАХ УВЯДАНЬЯ...

Осенний пряный запах увяданья
В далеком звуке снегорей,
Посёлка зажигающих огней...
Я познаю в лесу
Твою глубокую красу —
Несу её, как сокровенное желанье.
Возможных будущих страданий? —
Переживу!
Я созерцаю осени убогую тоску,
С заката гаснущих полей
Я слушаю свои мечтанья.

31.10.99

ЛЕНЬ

Всё лень, да лень,
В лесу олень,
Деревьев тень,
Да старый пенёк.
В закате день,
Всё лень, да лень,
Трухлявый пенёк,
Кричит олень.

Лесная сень,
Угаснет день,
Всё лень, да лень,
Деревьев тень.

Хочу скорей
В лесную тень,
Где старый пенёк,
Где целый день
Кричит олень;

Деревьев сень...
Всё лень, да лень.

29.12.99

В ДАЛЁКОМ ИНЕЕ ЛЕСОВ...

В далёком инее лесов
Я слышал мысли падавшего снега;
В тумане увядающего берега
Поэт увидел радость обретенья...
Грядущий день сам станет тенью —
Тот мир звучащих снов, забытых слов,
Твой стан прекрасной неги,
Души грядущее стремленье.

18.01.00

ОСЕНИ СЛОВА

Трава, деревья, ветки,
Остывшей полночи часы,
И облаков, ушедших вдаль,
Неровные весы —
Как метки осени слова.

19.10.00

САМШИТ И СТОГ

Во сне я видел куст самшита,
Ещё не пыльного в веках;
Чудесным образом он думать мог.
Обычный стог стоял чуть поодаль в молчании,
Умело сложенный заботливой рукою.
Самшит пленял своей красою.
«Я вечно зелен, грациозен,
И плоть моя тверда, как камень;
А ты, соломы прошлогодней ворох,
Пойдёшь на корм скоту!» —
Так думал куст.
Нещадное, меж тем, палило солнце.
«Я царь, я символ жизни, ты —
Сухое воплощенье увяданья», —
Продолжал самшит. Но тут
От раскалённой почвы
Кора куста затлела, пламень
Вмиг охватил зелёный стан;
Пора благоухания трагично завершилась,
Где жизнь шуршала, копошилась —
Лишь серый прах лежит.
Чуть поодаль, умело сложенный,
Обычный стог стоит.

25.09.01

ОТКРЫТИЕ

Забавным кажется открытие простое:
Я наблюдаю солнце в декабре,
Когда былое
Не воротит света
Ушедшего шального лета.
Однако,
День солнцестояния
Метет дорожку для весны;
Подобно так,
Священнодействию послушна,
Покорна иерею в алтаре,
Из глубины поста выходит к людям Пасха.

21.12.01

ИНОК

Борец суровый искушений,
Из кельи вышел он на свет;
Грехов он жаждал разрешенья
И дал молчания обет.

Весна весёлым щебетаньем
Меж тем окутала его,
Гусей далеких гоготанье...
Не слыша боле ничего,

Ни пенья птиц, ни звон потока,
Смиранный инок вдаль побрёл,
Лишь безучастно шуря око
На солнца праздный ореол.

Молитв сердечных созидатель,
Он твёрдо верил в свой удел,
Желая только, чтоб Создатель
На душу грешную призрел.

Играя праздничным узором,
Весна не завладела им,
Когда уже духовным взором
Он зрел Святой Ерусалим.

Идёт от века и поныне
Великий столп родной земли,
Чтоб я, чтоб ты, чтоб все мы в мире
Опять весну встречать могли.

27.03.08

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

Певец свободы беспокойный,
Барчук и тайный хилиаст,
Ни друг живым, ни враг покойным —
Потомство честь ему воздаст.

01.04.08

ЛЮБЛЮ Я МУДРОЕ СПОКОЙСТВИЕ ПРИРОДЫ...

Люблю я мудрое спокойствие природы —
Душистых, дымных вечеров задумчивый туман
И тихий шёпот засыпающих полей,
И блеск звезды, и неба своды.

Мне близко всё на сей земле благословенной;
Иду я в даль некошенных полей,
Внимаю голосу далёкому церкви
И вижу свет вечерний, Богом сотворенный.

03.04.08

ВОПРОС

Вопрос важнейший требует ответа:
Как отличить нам гофру от портплекда?
Мудрец дает простой совет —
Не ставьте в ванную портплекд,
А в гофре не храните смокинг,
Во избежание стыда, —
Не влезет просто он туда.

2008

МОНОЛОГ УСТАВШЕГО МУЖА.

По прочтении Пушкина

Жара и месяц – ночь ужасна,
Опять не спишь ты, враг опасный.
Усни, несчастная, усни!
Закрой разверсты алчны очи,
Плыви навстречу южной ночи,
В колодец тропиков нырни!

Вчера, забыла? штиль был полный,
На море не играли волны,
Как перья белые паши,
Но ты резвилась от души!

Так вот! Теперь всё изменилось.
Чтоб по бутикам не носилась
Ночами, днями напролёт —
Тебе заказан самолёт!

Под голубыми небесами
Ты полетишь, маша крылами,
Блестя на солнце, как луна!
А я...
Скользя щекою по салату,
Предамся смелому разврату
Уже, друг милый, без тебя!

2009

СКОМОРОХ И СТОЛПНИК

По прочтении Лескова

Он, душу спасая, от мира бежал,
И в знойной пустыне он столпником стал.
Дни, годы летят – за рассветом рассвет,
И в постном стоянье прошло тридцать лет.
И вот, на молитве, в полуночный час
Убогому столпнику явлен был глас:

«Внемли, старче, очи горе возведох,
В Дамаске далёком живёт скоморох.
Он шуткой забавной людей веселит,
На дудке играет, в бубенчик звенит.
Слезай со столпа, да в Дамаск ты иди
И там скомороха скорее найди.»

В Дамаск многогрешный! Как можно ему,
Смиренному старцу, зачем, почему?
Но голос упрямый опять зашептал:
«Почто ты не внемлешь, почто возроптал?
Ты времени старче-то зря не теряй —
Сойди со столпа, да в Дамаск выступай!»

Смущён и испуган наш старец и вновь
Тяжёлым сомненьем изломана бровь.
Сердечной молитвой ту ночь скоротал,
Ужели лукавый его искушал?
Но ночью грядущей опять зазвучал
Таинственный шёпот, чтоб старец восстал,
Но паки молился и медлил опять
Испуганный столпник в Дамаск выступать.

У жизни свой срок, а у страха свой век;
Молитва молитвой, но слаб человек.
Зарёй обозначилась новая ночь —
Он с камня спустился и двинулся прочь.
Опустим за скобки нелёгкий тот путь,
Ведь голос торопит – нельзя отдохнуть;
Он брёл днём, и ночью не мог сомкнуть глаз,
И вот, на рассвете, открылся Дамаск.

Лачуги, торговцы, арбы, суета,
Распутные девки, ослы, кочета,
Базар, переулоч, источник иссох,
У дома напротив сидел скоморох.

Взглянул, улыбнулся и словно узнал:
«Зайди, старче, в саклю, давно тебя ждал,
Всегда рад я гостю, далёко ль идёшь?» —
Спросил он, откинув дверную ветошь.

«Господь милосерден и славен Господь,
Зайди укрепить одряхлевшую плоть.»
Старик подкрепился, прибавило сил,
Глаза загорелись, и столпник спросил:
– Скажи, человече, чем здесь ты живёшь?
– Ступай на базар, там ответ ты найдёшь.
– Но как же ты можешь, ведь это же грех!
Знай, Богу молитвы, Лукавому смех.

– А что же мне делать? Я нищ и убог,
Из обуви только дырявый сапог,
Людей развлекаю, и тем я живу,
И кажется сплю, но тот сон наяву...
Они замолчали. Поставив смычок,
Запел свою песню защельный сверчок.
Шут улыбнулся, вздохнул и тот час
Начал нехитрый, печальный рассказ:

«Отца своего не дано было знать,
Я мальчиком был – умерла моя мать;
Просил подаянье, стучась в каждый дом,
На дудке играя, – так стал я шутом.
И всё ничего, и моё ремесло
Меня, как течение, по жизни несло,
Пока как-то ночью – совсем уж лёг спать —
Меня не призвали гетер развлекать.

Пришёл я. Вельможи, куда ни взгляни,
Чадят и мерцают на стенах огни,
И все уже пьяны. Со мной был мой пёс,
Они стали дуть и плевать ему в нос!
Ну что ж, я привычный, и пёс также мой
Совсем не ворчал, только тряс головой.
Они хохотали, я их развлекал
Всю ночь, а под утро в бессилье упал.

Они закричали: ну что ж ты, вставай,
Давай, весели нас, давай же, давай!
Потом кто-то кинул пригоршню монет,
Другой посмотрел и сощурился: нет,
Платить я способен не так, как иной,
И кинул мне в ноги дукат золотой.

Что тут началось, ты представить не мог!

Деньгами набили дырявый сапог.
У них денег много, им всё нипочём,
В тот день я вернулся домой богачом!
Припрятал я золото и лёг почивать,
Мечтая, как стану теперь поживать,
Как дом я куплю за стеною, на рву,
С постылой стезёй наконец-то порву...

Счастливым тогда не судьба была стать,
Коль можешь ты взять, то умей и отдать.
Чем чаша тучней и полней на весах,
Тем больший в душе поселяется страх.
Я стал опасаться за свой капитал,
Везде мне мерещился злобный вандал,
Проверил на прочность дверной я засов,
Всё деньги большие, нет горше оков!

С тех пор позабыл про покой и про сон —
Суров, беспощаден великий Мамон.
Гонимая страхом, жизнь кинулась вскачь,
Вот тут и услышал за стенкой я плач.
Я вышел. Над городом вечер потух,
Запел и осёкся соседский петух.
Я постоял, пригляделся впотьмах
И разглядел, вскоре, деву в слезах.

Шатаюсь от горя, рыдала навзрыд,
Как будто гетера, обретшая стыд.
— О чём же ты плачешь, в ночи и одна?
— Мой брат продан в рабство, — сказала она.
Я, отче, не стану тебя утруждать
Историей девы, но должен ты знать:
Услышав рассказ, ни минуты не ждал,
Достал своё золото и всё ей отдал...

Не знаю, как смог до утра дотянуть, —
Тяжёлые мысли мешали заснуть.
Разбитым я выполз под солнечный луч,
Я снова был нищий, как небо без туч.
Но деве помог я беду отвести,
Сподобил Господь её вновь обрести:
В устах, ещё детских, улыбка цвела,
Счастливая за руку брата вела.

На грудь мою пала и стала рыдать,
Слова благодарности силясь сказать;
Я обнял её и лишь только сказал:
Господь милосерден — и сам зарыдал.
И так легко на сердце сделалось вдруг,

И небо, и солнце, и город вокруг,
И люди счастливо глядели на нас
И плакали с нами. Вот весь мой рассказ.»

Как громом сражённый, сидел наш старик:
В смятенье душа, в горле давится крик.
Он встал, пошатнулся, споткнулся о стол,
В дверях поклонился и молча ушёл.
Вернулся отшельник в пустыню свою,
Увидел свой камень у скал, на краю.
Но жизнь не способна прервать свой полёт:
На камне в гнезде воронёнок живёт.

Господь вразумляет, и понял старик —
Пока не иссяк ещё жизни родник.
Тот шёпот, что звал его в грешный Дамаск,
Не дьявольский вовсе, но ангельский глас.
Спустился отшельник в тенистую падь
И бедным крестьянам он стал помогать.
Ночами ложился на дымчатый мох,
Во сне улыбался ему скоморох.

Без малого минуло тысячу лет,
С тех пор, как отшельник нарушил обет,
Но память о том и поныне живёт,
Младым в назиданье легенда идёт.
И часто бывает вечерней порой,
Их видят вдвоём, в облаках, за горой,
А мы, созерцая небесную синь,
О том будем помнить вовеки. Аминь!

2009—2012

СИМЕОН

И жил человек, и был праведен он,
Травинка в пустыне обмана.
Спасителя мира всё ждал Симеон
На паперти древнего храма.

Старик седовласый – пора уж во гроб,
Но явлено было знаменье:
То Господа воля – дождался он чтоб
Несущего свет избавленья.

А лет ему было давно больше ста,
Когда подошло время оно,
И вот уже вносят младенца Христа
На сретенье в храм, Симеону.

Исполнена воля, сосуд жизни пуст,
Поставлен на камни порога,
И льются слова потихоньку из уст
Смиренно, возвышенно, строго:

«Отпускаеши ныне раба Твоего,
Владыко, глаголу внимая,
Да с миром изыду из мира сего,
Пред Очи главу преклоняя.

Яко видеста очи спасенье Твое
И славу покорных языков,
И се аз смиренно свое житие
К Стопам полагаю Великим.»

Окончен обряд, Иисус унесён,
Искупят мир крестные раны;
И тихо уходит старик Симеон
С паперти древнего храма.

16.03.12

ЧЕХОВ. ТРИ СЕСТРЫ

Когда ещё были преданья стары,
В имении жили три скучных сестры.
Ища, чем заняться, развеять тоску,
Хотели все трое уехать в Москву.

У Иры, у младшенькой, кроткий был нрав,
Работать хотелось, пошла в телеграф.
Но скучно, опять же поэзии нет,
В Москву надо ехать, просился ответ.

Средняя, Маша, при муже жила,
Но юность, однако, уже отцвела,
Общались нехитро: *chez nous*, да *chez vous*,*
В общем, всё то же – в Москву, мол, в Москву.

Отец умер в мае, на пятое в ночь,
Всех больше скорбит Ольга, старшая дочь.
Как дальше-то жить? Тут идеи есть две —
Именье продать и работать в Москве.

Но годы идут, воз по-прежнему там
И полон тоскливых, скучающих дам.
Московский мираж всё мерцает вдали —
В Москву надо ехать, Москва – пуп земли!

Хозяин имения, Прозоров, их брат
И сам такой жизни не слишком был рад.
И чтобы быть в курсе последних вестей,
Поместье всегда было полно гостей.

Бывали Вершинин, барон Тузенбах,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.